

шений сдѣлалось предметомъ вниманія религіознаго сознанія, ему надлежитъ подольше остановиться на притчѣ о невѣрномъ домоуправителѣ и до конца ее себѣ уяснить.

Практика современности въ подобномъ конфликтѣ такова: спеца разстрѣлять, противъ арендаторовъ послать карательную экспедицію, скидку съ процентами возвратитъ хозяину.

Христовъ-же хозяинъ поступаетъ по иному. Онъ понялъ видно, что потерянное ему не принадлежало, что сознательное разставаніе съ этимъ «малымъ», и есть разрывъ съ Мамоной, вѣрность Богу въ маломъ, Но, конечно, въ нужный моментъ и въ такой формѣ, что-бы «друзей пріобрѣсти» — увеличить капиталъ любви въ мірѣ. Возвращая обществу, черезъ него-же полученное, а въ сущности принадлежащее Богу, не возвращаетъ ли такой хозяинъ Царю талантъ умноженный за счетъ «прибавочной цѣнности» любви и добра, возникающихъ отъ подобнаго акта.

Надо отказаться ютъ невольной ассоціаціи словъ «вѣрный въ маломъ» съ «невѣрнымъ управителемъ». Ассоціація эта лишь звуковая. Внутренняя-же логика притчи, какъ и всего ученія Христа, говорить:

не управитель, но хозяинъ, похвалившій его за оставленіе долговъ, поставленъ въ образецъ и сынамъ свѣта и сынамъ вѣка сего.

Зато поставленъ, что рѣшеніемъ своимъ онъ сумѣлъ сохранить социальный миръ въ имѣніи своемъ.

8.

Что можетъ случиться и что случилось, когда не найденъ этотъ путь, Христовъ ясно предвидѣлъ. И не даромъ непосредственно за образомъ Удивительнаго Хозяина идетъ современный «нуворишъ».

Не на военныхъ ли поставкахъ, не на инфляціи ли, не на торговлѣ ли съ совѣтами нажился Богатый?

«Кто иной станетъ каждый день пировать блистательно, терпѣть у порога своего Лазаря въ струпьяхъ и псовъ, вылизывающихъ гной?»

Провидѣлъ Христовъ время, когда богатый не найдетъ выхода изъ положенія, созданнаго невѣрнымъ домоуправителемъ епо. И тогда управитель кликнетъ кличъ:

«Лазари въ струпьяхъ всѣхъ странъ соединяйтесь!».

Бѣшенная толпа ворвется во дворецъ. Но едва юна начнетъ дѣлать ризы, какъ налетитъ другая толпа запоздавшихъ.

Крѣпкій мужичекъ разгромитъ помѣщика. Среднякъ раскулачитъ крѣпыша. Бѣднякъ расколхозитъ средняка. Все это будетъ именоваться закономъ социальнаго возмездія, «мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ», скажетъ человѣкъ.

И будетъ всѣмъ — отъ богача въ виссонѣ съ его пятью братьями, до послѣдняго въ лохмотьяхъ Лазаря, — уготовано одно мѣсто, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ:

— С. С. С. Р. —

Петръ Прозоровъ.

«Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ»

(Къ статьѣ Г. П. Федотова «Положеніе Церкви въ Россіи»).

I.

Обвиненія, выдвинутыя статьѣй Г. П. Федотова противъ м. Сергія настолько

серьезны и вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ такого обширнаго анализа и текстовъ и фактовъ, что разсмотрѣть ихъ въ одной ста-

тъѣ невозможно. Надѣмся, что это будетъ слѣдано позднѣе. Сейчасъ же попытаемся только намѣтить возможность и законность иного воспріятія, иного объясненія всей политики м. Сергія и его синода. Отнюдь не оправдывая всего въ дѣятельности м. Сергія, допуская возможность и наличие ряда погрѣшностей и ошибокъ, постараемся показать, что даже при этихъ условіяхъ, основное содержаніе и значеніе дѣла м. Сергія клонится не къ разрушенію, а къ созиданію и укрѣпленію Церкви Христовой, есть путь вѣрности, а не предательства.

I.

Подчеркнемъ прежде всего, что въ самой Россіи пріятіе или непріятіе пути м. Сергія, расхожденіе между такъ наз. «сергіевцами» и «оппозиціонерами», есть не столько церковное, сколько религиозно-философское. Столкнулись два различныхъ исторіософскихъ теченія, двѣ противоположныя интуиціи судебъ Россіи, Церкви, міра. Въ эмиграціи, любятъ говорить объ «антихристовой власти» въ Россіи. Здѣсь — эти слова часто только эффектное выраженіе, тамъ же — за этими словами стоитъ сложная проблема принятія или непріятія міра, исторіи. Мысль, что, можетъ быть, произошло предсказанное послѣднее отступленіе отъ Христа, что міръ, кромѣ «малаго стада» «избранныхъ», уже побѣжденъ зломъ, въ Россіи у многихъ стала религиознымъ убѣжденіемъ, изъ котораго вытекаетъ и ихъ отношеніе къ совершающемуся.

Историческій день кончился, надвинулась тѣнь судной ночи, начались апокалиптическія сумерки. Антихристъ овладѣлъ міромъ. Поэтому всѣ попытки итти путемъ **продолжающагося** культурно-историческаго творчества являются отступничествомъ отъ Христа, прикровеннымъ служеніемъ антихристу. **Жизнь** уже невозможна; возможно только **житіе**, осіянное предчувствіемъ вѣнца исповѣдническаго, муче-

ническаго, какъ неизбѣжнаго завершенія явной — черезъ житіе — борьбы съ антихристомъ.

Въ эти дни, по слову Спасителя: «Кто на кровлѣ, тотъ не сходи въ домъ и не входи взять что нибудь изъ дома своего. И кто въ полѣ, не обращай назадъ взять одежду свою» (Марка 13, 15-16. Матѣ. 24, 17, 18), такъ какъ въ страшныя мгновенія предначавшагося послѣдняго суда надъ міромъ «будутъ двое на полѣ: одинъ беретъ, а другой оставляется» (Матѣ. 24, 40). Въ свѣтѣ предсуднаго зарева угасаютъ всѣ человѣческія солнца. Всѣ формы культурно-историческаго творчества, всѣ культурно-историческія связи — національныя, социальныя и иныя — теряютъ свой смыслъ и значеніе. Судьбы родины, судьбы родного народа, все близкое, милое, но **плотное** облеченіе исторіи перестаетъ быть непосредственнымъ содержаніемъ религиозной тревоги, религиозной активности, религиознаго служенія.

Состояніе предѣльной эсхатологической отрѣшенности, максимальный отходъ отъ міра, побѣжденнаго антихристомъ становятся нормой, канонемъ спасенія. Путь единственно возможный для церкви вообще, для каждаго вѣрующаго въ отдѣльности, — это путь разрыва всѣхъ связей съ окружающей дѣйствительностью, путь «ухода въ катакомбы».

Въ былые дни психологія эсхатологической отрѣшенности, подчасъ граничащая со своеобразной эсхатологической паникой, толкнула нашихъ старообрядцевъ на самосжиганіе. Эта же психологія сейчасъ въ Россіи страстно и нестерпимо требуетъ отъ Церкви, отъ ея руководителей «сожженія» всѣхъ связей съ сложившейся исторической обстановкой, отказа отъ формъ внѣшней организованности, — въ конечномъ итогѣ, требуетъ отказа отъ церковнаго попеченія о русскомъ, все же православномъ, народѣ въ цѣломъ. Несогласіе со своими религиоз-

но-историческими прогнозами, а тѣмъ болѣе церковную политику, исходящую изъ иного воспріятія дѣйствительности, люди этой психологіи считаютъ малодушіемъ, отступничествомъ, прямой измѣной Христу. Это необходимо отмѣтить. Наиболѣе отрицательныя, страстно-одностороннія оцѣнки дѣятельности м. Сергія, доносящаяся къ намъ изъ Россіи, исходятъ по преимуществу изъ среды людей съ такой психологіей.

II.

Эсхатологической «героической» отрѣшенности противостоитъ подвижническое принятіе всей тяжести исторической отвѣтственности, религиозная настроенность долга соучастія въ судьбахъ своего народа, даже до готовности быть «отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ» (Рим. 9, 3).

Въ исторіи Русской православной церкви за послѣднее десятилѣтіе поражаетъ одинъ фактъ — непримѣтное, безъ блеска, но истинно подвижническое житіе православнаго духовенства, какъ духовенства, какъ своеобразнаго духовнаго и соціально-бытоваго цѣлага, какъ извѣстной соціальной формы. Есть любопытный соціальный законъ, въ силу котораго устойчивая и прочная соціальная форма — будь то полкъ, сословіе, секта, монашескій орденъ или еще что нибудь, живетъ особой, независимой отъ психологіи отдѣльныхъ людей, сверхличной жизнью. «Соціальная форма» сама оказываетъ громадное вліяніе на индивидуальную психологію, привнося въ нее рядъ надъ-индивидуальныхъ велѣній и нормъ, часто противорѣчащихъ непосредственнымъ жизненнымъ интересамъ даннаго лица. Честь полка, честь сословія и т. д. — житейски извѣстныя, каждому понятныя проявленія этой сверхличной жизни соціальной формы, ея духовнаго значенія и вліянія. Характерно то, что здѣсь рѣшающее значеніе принадлежитъ не личному героическому дѣйствію, а какому

то преображенію индивидуальной незамѣтности, микроскопичности въ подвижническое несеніе всѣхъ послѣдствій, связанныхъ съ принадлежностью къ данной соціальной формѣ. При религиозномъ отношеніи этотъ натуральный фактъ можетъ получить и получаетъ смыслъ религиознаго долга, переживается, какъ путь покорности въ любви волѣ Божіей.

Чудеснымъ примѣромъ такого религиозно-углубленнаго отношенія къ «соціальной формѣ» является изумительная психологія старыхъ русскихъ солдатъ, которые съ такимъ дѣловитымъ спокойствіемъ, съ такой духовной трезвостью и ясностью шли на явную смерть потому, что «присягу приняли», потому что смерть входитъ, какъ неизбежное, какъ «воля Божія» въ самое содержаніе чина «солдатства», какъ извѣстной формы жизни.

Это — не пассивность, не фаталистическое принятіе неотвратимаго, а изумительное сочетаніе личнаго утвержденія жизни, личнаго усилія съ искренней преданностью волѣ Божіей, соединеніе жизненной серьезности и активности съ крестомъ свободнаго слѣдованія за велѣніями Промысла Божьяго. Тутъ нѣтъ примиренности заранѣе и во что бы то ни стало съ тѣмъ, что придется терпѣть, нѣтъ только покорнаго принятія посылаемаго; готовность терпѣть здѣсь связана со стремленіемъ устроить все по своему, но такъ, чтобы это «по своему» совпало съ «по Божьему».

Это чисто русская черта кроткаго внѣличнаго подвига, совершаемаго не какъ актъ героизма, а какъ осуществленіе неизбежной функціи соціальной формы, подвижничество въ незамѣтности, въ высшей степени всегда была свойственна и русскому православному духовенству. Въ дни общей смертельной опасности (холера, морь, повальные болѣзни), эта черта всегда выступала на первый планъ; выступила она и теперь. Причастность къ «сословію духовному», даже

во второмъ, третьемъ колѣнѣ въ совѣтской Россіи часто равносильна «живому лечь въ могилу». И все же число случаевъ отреченія, снятія сана до невѣроятнаго незначительно. Въ повседневной жизни это, можетъ быть, немудрящіе, дюжинные люди. Служать по праздникамъ, ходять Христа славить, если примуть; вѣнчаютъ, крестятъ, пасуть свое стадо, какъ могутъ; можетъ быть, не прочь при случаѣ выпить, съ сосѣдними батюшками въ «преферансъ перекинуться», «пулечку сыграть». Когда наступитъ часъ испытанія, сдѣлаютъ все, что позволяетъ совѣсть, для того, чтобы миновала сія чаша; если же нѣтъ, умрутъ за Христа такъ же просто, какъ въ дни холеры, чумы, сыпняка причащали тѣхъ, къ кому люди боялись близко и подойти. При **поразительной внѣшней покорности**, даже какъ будто бы приспособленчествѣ, — огромная **внутренняя вѣрность** правдѣ Божіей, **ясновидящій тактъ** не своей личной, а общей — родовой, въ конечномъ итогѣ, народной мудрости.

Политика м. Сергія, внѣ этой психологій непонятна, соблазнительна, вызываетъ обвиненія въ измѣнѣ, предательствѣ. Въ несогласіи съ дѣломъ м. Сергія, въ оппозиціи ему оказалась и с к л ю ч и т е л ь н о интеллигенція. Это, къ глубокому прискорбію, кажется, не случайность, а **новый** моментъ въ діалектикѣ **старой** трагической противопоставленности интеллигенціи и народа. Нужно оговориться, что далеко не вся интеллигенція оказалась въ лагерѣ противниковъ м. Сергія. Высшее и низшее духовенство (въ подавляющемъ большинствѣ), массовая церковная — не только въ умозрѣніи, но и въ бытѣ, — интеллигенція, народъ остались съ м. Сергіемъ. Остались совсѣмъ не потому, что они не разбираются въ церковныхъ вопросахъ, безразличны къ тому, у кого и съ кѣмъ молиться, — обновленческой расколъ былъ побѣжденъ какъ разъ чуткостью и актив-

ностью именно этой церковной «толщи», — а потому, что эта часть церковнаго общества **чуждается** психологій, требующей «героевъ», противостоящихъ толпѣ, ведущихъ ее за собой; для нея сомнительны духовная цѣнность и творческое значеніе страстности и радикализма, вытекающихъ изъ отвлеченно-принципальнаго рѣшенія вопросовъ.

III.

Велико паденіе народа, отвратительны явленія Христопродавчества. Кажется, достаточно посмотрѣть на снимки сожженій иконъ, чтобы разъ и навсегда въ «пустое мѣсто» вмѣнить эту человѣческую пыль, которая вчера «въ умиленіи припадала» къ ризѣ Богородицы, а сегодня съ гоготомъ и визгомъ, потнымъ кольцомъ толпится вокругъ костра изъ иконъ, съ бранью, съ площадными островами мечетъ въ огонь темные лики дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ святынь. Уже не море, а океанъ бездонный человѣческаго паденія. На разсвѣтѣ, когда ничего еще не разглядишь, къ ранней обѣднѣ — воровской, беззвучной, слѣдовъ не оставляющей походкой проберется, сердце восторгами любви искривится, а черезъ часъ въ школь передъ тѣми, о комъ Спаситель сказалъ, что ужъ лучше жерновъ на шею да и въ воду, чѣмъ соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ — стихи Демьяна Бѣднаго читаютъ, отъ которыхъ даже ко всему привыкшимъ пролетарскимъ дѣтелямъ не по себѣ дѣлается... Истинно, такой народъ достоинъ того, чтобы праведники удалены были изъ среды его, какъ удаленъ былъ Лотъ изъ Содома и Гоморры, обреченныхъ на истребленіе огнемъ съ неба. Всѣ такъ слабы, ежечасно, ежеминутно измѣняютъ Христу, отпадаютъ отъ Него, что, конечно, недостойны именоваться христіанами. Можетъ быть, уже и къ Церкви Христовой не принадлежатъ, такъ какъ даже при снисходительномъ толкованіи клязмовъ,

всѣ давнымъ давно должны быть отлучены отъ Нея, таинствъ лишены... Жалость кипитъ въ сердцахъ. Но, можетъ быть, эта жалость плодъ не Христовой ревнующей любви, а чувствительная слезоточивость дурного сентиментализма? Совершающееся кругомъ такъ грозно, такъ полно знаковъ и знаменій, что, можетъ быть, во истину, истекли времена и сроки и «кончина міра при дверяхъ есть»? Тогда, дѣйствительно, попытки остаться въ исторіи, творить дѣло спасенія всего народа такъ, какъ если бы еще продолжался историческій день, становятся источникомъ все новыхъ и новыхъ паденій, превращаются въ Христоотступничество, являются съ участіемъ въ соблазнахъ антихриста.

Чрезъ муку этихъ основныхъ антиномій, распадъ души неизбежно проходитъ религиозное сознание каждаго, кто отвѣтственно принимаетъ дѣло Церкви въ Россіи. Въ Россіи эти вопросы и ставитъ и рѣшаетъ приходится каждый день. Благо тѣмъ, кто можетъ смотрѣть не глазами, а «точками зрѣнія», — тогда, по крайней мѣрѣ, все ясно, послѣдовательно, радикально; во все вносится успокоительная опредѣленность. У глядящихъ «точками зрѣнія» есть свои муки, свой адъ, но нѣтъ этого безпредѣльнаго умирания въ любви за каждаго, нѣтъ этой непосредственности, «какъ будто бы на моемъ тѣлѣ», осязанія нищеты и язвъ каждаго изъ моего народа. Вѣрнѣе, есть, но въ порядкѣ идейной ревности, а не сердечной жалости. «Я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти» (Римл. 9. 3). Въ словѣ апостола — такое расширение сердца, что «изумѣваетъ (выходитъ изъ себя) умъ». «Желалъ бы быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ». Мысль изнемогла, слово умолкаетъ у предѣла любви милующей. Но сердце и совѣсть знаютъ рѣшеніе — «для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти

по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ» (I Коринт. 9. 31).

Но это значитъ войти во всю тяжесть существующей исторической обстановки, сознательно принять сплетенность лжи, обмана, насилия, нечестности, открытаго богоборчества, составляющихъ самое существо дѣйствующей государственной системы, какъ неизбежную данность, въ формахъ и условіяхъ которой, преодолевая, но не отменяя, придется творить свое дѣло. Мучительный, эмпирически, несомнѣнно, соблазнительный путь. Тысячекратно блаженны умершіе, такъ какъ они уже не знаютъ этой постоянной муки умирания, во много разъ счастливѣе заключенные, заточенные, потому что, какъ ни тяжело ихъ положеніе, но съ нихъ уже снято это бремя отвѣтственности любви.

Жестоко-наивными кажутся обвинения м. Сергія въ томъ, что его дѣйствія диктуются мотивами малодушнаго страха за свою безопасность, за свою жизнь, что онъ и признающіе его іерархи «боятся потерять выгоды и преимущества своего положенія». И такое обвиненіе встрѣчалось и встрѣчается. Въ Россіи лучше понимаютъ всю муку постоянной пытки, яснѣе представляютъ мучительность «комариной смерти», когда живого человека связаннымъ обнаженнымъ кидаютъ въ лѣсу на съденіе комарамъ, а положеніе м. Сергія въ условіяхъ совѣтской системы — дѣйствительно положеніе «комариной смерти». Въ Россіи даже противники м. Сергія, въ началѣ обвинявшіе м. Сергія и въ малодушіи, и въ стремленіи удержать власть и т. д., начинаютъ понимать, что ссылка, заточеніе, смерть не страшны, даже отрадны тому, кто ежедневно сходитъ во тьму смертную, въ ровъ преисподній. По крайней мѣрѣ въ письмахъ даже оппозиционеровъ въ послѣднее время признается, что физическія муки, физическая смерть не могутъ устрашить м. Сергія.

IV.

Митрополитъ Сергій, какъ бы ни оцѣнивать его дѣятельность, не заслуживаетъ такихъ подозрѣній, такого марксистки упрощеннаго объясненія его политики. Путь м. Сергія — путь возрастающаго личнаго страданія, путь сверхличнаго, безъ героики, будничнаго кропотливаго труда съ цѣлью сохраненія не идеи Церкви, а живого тѣла и духовнаго скелета Церкви.

Дѣло не въ спасеніи внѣшней организациі Церкви. Утвержденіе, что «статистика патріаршихъ приходовъ, функционированіе епархіальнаго управленія, составляетъ, повидимому, главный предметъ заботъ митрополита», грѣшитъ, даже при этомъ ограничительномъ «повидимому», нечувствіемъ плоти и крови русской церковной дѣйствительности; русская религіозная эмпирія безоговорочно приносится въ жертву принципу, идеѣ.

Религіозная жизнь въ Россіи находится подъ страшной угрозой мистическаго срыва, мистическаго безумія. Усиленіе крайнихъ мистическихъ теченій, наростаніе искушеній хлыстовства, манящаго темными и экстатическими опьяненіями, якобы непосредственнаго общенія со «св. Духомъ», головокружительными безуміями изступленныхъ радѣній — являются характерной чертой и спутникомъ переживаемаго Россіей религіознаго момента. Всевозможные «пророки», «юродивые», «богородицы», «св. апостолы», «странники», сильные, но духовно темные, влекутъ изстрадавшійся народъ на путь немедленнаго озаренія «благодатью», «воспріятія подлиннаго крещенія духомъ святымъ». Даже среди рационалистическаго сектанства, по самой природѣ какъ будто защищеннаго отъ этого, все сильнѣе и сильнѣе пробиваются мистическія теченія. Классическое рационалистическое сектанство не въ силахъ справиться съ этими мистическими прорывами. Баптизмъ,

напримѣръ, переживаетъ серьезную внутреннюю трагедію, потому что разгоряченная струя мистики — въ видѣ возникшей въ баптизмѣ хлыстовствующей секты «трясуновъ» — сметаетъ всѣ устои, всѣ догматическія предпосылки баптизма, уводитъ его на путь хлыстовщины. Въ изступленіи мистики антихристъ борется со Христомъ на такой глубинѣ, о которой и не подозрѣваютъ воинствующие безбожники. Въ условіяхъ надвигающагося мистическаго безудержа, сохраненіе «разума» церковнаго — духовенства, сохраненіе четкой церковной организациі становится первѣйшей церковной задачей, дѣломъ такой церковной и религіозно-національной важности, что ради него можно, должно идти на крайнія жертвы. При наличіи духовенства, при сохраненности церковной организациі еще можно овладѣть огневыми стихіями искрящейся мистической напряженности, спасти народъ отъ подлиннаго и уже почти непоправимаго паденія въ глубины сатанинскія. Въ этомъ смыслѣ и объясненіе стремленій м. Сергія во что бы то ни стало сохранить живыхъ носителей трезвости церковнаго сознанія — духовенство, сохранить церковную организацию... Въ живомъ чувствѣ, что именно въ моментѣ мистическаго изступленія таится наибольшая угроза для Церкви, для народа, основаніе того, что подавляющее большинство духовенства и церковной интеллигенціи, опредѣленно идутъ за м. Сергіемъ и поддерживаютъ его.

Нужно отмѣтить еще одно явленіе религіозной дѣйствительности, выдвигающее въ качествѣ первѣйшей жизненной задачи церкви, сохраненіе духовенства, требующее постояннаго пастырскаго попеченія и водительства. Эсхатологическія настроенія — ожиданія пришествія антихриста, кончины міра, всевозможныя легенды и сказанія, связанныя съ этими ожиданіями, — прочно владѣютъ народнымъ сознаніемъ. Эти настроенія, какъ

это ни покажется странным на первый взгляд, своеобразно переплетаются съ положительными мотивами культурно-политической активности, вдохновляют на борьбу за новое культурно-государственное устройство. Крайнее неудовлетворение существующимъ, активное стремление къ иному, лучшему будущему народъ облакаетъ въ традиціонныя формы сказаній объ антихристѣ, о кончинѣ міра. Но они въ его пониманіи и дѣйствіи имѣютъ не религиозно-отрицательное, въ смыслѣ констатированія конца исторіи, а **религиозно-положительное**, въ смыслѣ исканія новой социально-культурной дѣйствительности — значеніе. Эсхатологическія формулировки, впитывая въ себя и социально-политическіе мотивы, становятся исходнымъ моментомъ и формой напряженной борьбы за желаемое національно-культурное будущее. Религиозные соблазны и опасности, связанные съ этимъ моментомъ, въ условіяхъ всеобщей ненависти и злобы, несомнѣнно грозятъ обезсилить Церковь, превратить ее въ арену политической борьбы, свести ее до положенія простой игрушки въ разбушевавшемся морѣ человѣческихъ страстей.

Церковно-политическій тактъ и трезвая мудрость духовенства въ эпоху такихъ національно-религиозныхъ соблазновъ и искушеній, являются условіемъ и залогомъ дальнѣйшаго духовнаго здоровья нации, хранителями ея творческихъ силъ.

Въ политикѣ м. Сергія не «сохраненіе церковной организаціи покупается цѣной угашенія духа», а охраняется здоровье духа, сохраняются религиозныя силы народа для грядущаго творческаго раскрытія ихъ.

V.

Политика м. Сергія не «принятіе грѣха», не «возведеніе лжи въ традицію», а нѣчто иное, болѣе трудное, но неизбежное, — вытекающее изъ невозможно-

сти иной тактики, кромѣ антиномической, иныхъ рѣшеній, кромѣ рѣшеній, гдѣ правдѣ одного рѣшенія всегда противостоитъ отрицающая ее правда другого рѣшенія.

Совѣтская государственность, совѣтская общественность есть не что иное, какъ небывало страшная, всепоглощающая, государственно-принудительная всеобщность лжи. Ложь — онтологія и феноменологія совѣтской дѣйствительности. Невозможно физически существовать, не принимая формъ и рамокъ сов. государственности и общественности, невозможно духовно жить, не отвращаясь, не отрицаясь самого существа и духа совѣтской государственности. «Двойная жизнь» — тяжкій удѣлъ всѣхъ совѣтскихъ гражданъ, кромѣ стопроцентныхъ коммунистовъ. Вѣрующій педагогъ во имя правды вѣры, когда отъ него требуютъ обнаруженій активнаго богоборчества, кощунства, долженъ уйти изъ школы, предоставивъ дѣло воспитанія педагогамъ безбожникамъ. Рѣшеніе принципиально-вѣрное, безукоризненное. Но и другая правда, правда любви къ дѣтямъ, правда отвѣтственности за нихъ, правда апостольскаго слова — «я желалъ бы быть отлученнымъ отъ Христа за братій моихъ, родныхъ мнѣ по плоти», столь же сильно говоритъ въ душѣ. И замыселъ обезбоженія дѣтей чрезъ школу не удался, побѣждается правонарушительнымъ подвигомъ подлежащаго отлученію отъ церкви загнаннаго «шкраба».

Лживость совѣтской дѣйствительности такова, что всякая активность въ ея условіяхъ неизбежно принимаетъ характеръ лжеподобія. Цѣлостная истина, въ которой совпадаютъ правда личная и социальная, невозможна, исключена самой природой совѣтской системы. Всѣ, постольку, поскольку они вынуждены считаться съ совѣтской дѣйствительностью, какъ исторической средой, обречены на трагическую діалектику расколовшейся истины: всякой правдѣ роковымъ и неотвраща-

тимымъ, **внѣличнымъ** образомъ противостоитъ другая правда: каждый всегда частично и правъ, частично и не правъ, преступень. Въ этомъ основное проклятіе совѣтской жизни, источникъ страшной тѣни измѣнничества, предательства, ложающейся на всякое усиліе дѣйствовать, трудиться въ условіяхъ совѣтской Россіи.

Это не оправданіе, не утвержденіе прагматизма, — выдвигающаго въ качествѣ послѣдняго и рѣшающаго мотива соображенія оправданности того или иного рѣшенія, подступка, самой жизнью. Прагматизмъ, будучи вѣренъ, какъ методъ, становясь основнымъ принципомъ поведенія, неизбежно превращается въ практическое отрицаніе абсолютной истины, въ успокоительный синонимъ голаго релятивизма. Просто, думается, нужно, при сужденіяхъ относительно политики м. Сергія, при оцѣнкѣ выступленій его и другихъ церковныхъ дѣятелей учитывать то, что въ условіяхъ фантастически-ложивой жизни, оказавшейся тѣмъ не менѣе неизбежной исторической реальностью, исторической средой, цѣлостный образъ истины неизбежно распадается на множество обособленныхъ, другъ другу противостоящихъ правдъ.

Основная трудность, соблазнительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренняя правда, общественно-активнаго церковнаго пути въ такихъ условіяхъ въ томъ, что онъ не можетъ быть путемъ повторяющихся, однозначныхъ рѣшеній: ни одно рѣшеніе не имѣетъ прецедентовъ въ предыдущихъ. Это путь, не сплошной линіи, а живого пунктира, когда для каждаго даннаго антиномическаго соотношенія двухъ правдъ, для каждаго даннаго жизненнаго противорѣчія нужно принимать новое, творческое и трагическое рѣшеніе. Для посторонняго взгляда онъ кажется произвольно-прихотливымъ, морально неустойчивымъ, приспособительнымъ; но внутренне онъ цѣлостенъ и чистъ, такъ

какъ въ немъ неизмѣннымъ и единымъ во всѣхъ измѣненіяхъ остается дерзновеніе жертвенной, сверхличной любви.

Нужно отказаться отъ одной легенды, чрезвычайно популярной у насъ, въ эмиграціи — легенды о «церкви мучениковъ», противопоставляемой Русской Церкви вообще. Предполагается, что есть «церковь исповѣдниковъ», людей чистыхъ, безкомпромиссныхъ, «соловецкихъ узниковъ», и есть церковь, такъ сказать мірская, уклонившаяся отъ подвига исповѣдничества, мученичества, покупающая цѣною дозволительныхъ, но не совѣмъ безупречныхъ компромиссовъ возможность относительно мирнаго житія. Только первые — исповѣдники и мученики — и являются хранителями чистоты и неповрежденности церковнаго сознанія, образуютъ подлинную церковь, церковь по преимуществу; остальные же — до извѣстной степени сомнительны въ отношеніи своей «подлинности», образуютъ только какое то подобіе церкви. Какъ ни эффектно, какъ ни утѣшительно въ иныхъ случаяхъ подобное построеніе, оно должно быть отброшено, потому что оно въ корнѣ невѣрно. **Вся Русская Церковь есть церковь мучениковъ и исповѣдниковъ** не въ фигуральномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова. Различіе между томящимися въ Соловахъ и остающимися «на свободѣ», отправляющими свою «чреду» церковнаго служенія, **есть различіе въ формѣ, въ образѣ** исповѣдничества, мученичества, а не въ существѣ. Особенно это нужно и должно сказать о новомъ соборномъ великомученикѣ и страсто-терпцѣ русскомъ православномъ духовенствѣ, начиная отъ рядового сельскаго іерея и кончая м. Сергіемъ. Нищіе, голодные, беззащитные, ежедневно, ежечасно оскорбляемые, тѣснимые, изгоняемые изъ жилищъ, переживающіе отреченія отъ нихъ, какъ служителей культа, своихъ же дѣтей, оплевываемые, умерщвляемые, но не умирающіе, и тѣмъ не менѣе не отре-

кающіеся отъ своего служенія, отъ своего званія, среди злобы и хуленій хранящіе благодушіе, къ обижающимъ и уничтожающимъ ихъ относящіеся, какъ къ братьямъ, себя забывающіе ради спасенія каждаго — развѣ это не постоянный подвигъ исповѣдничества, не длящееся мученичество? По отношенію къ нимъ — подлинно новымъ великомученикамъ и страстотерпцамъ — не является ли жестокой неправдой, своего рода измѣной обычное у насъ противопоставленіе имъ, иной какой то «церкви мучениковъ», какъ церкви подлинной? Въ дѣйствительности не существуетъ этого нашего надуманнаго противоположенія. Русская церковь и въ Соловкахъ и въ Сокольникахъ въ Москвѣ, одна и та же церковь мучениковъ, по разному проходящая свой мученическій путь. Въ тяжкую и скорбную минуту, когда м. Сергій вручалъ свой свитокъ плача, рыданій, горя и жалости, вручалъ свое интервью, онъ не былъ «мученикомъ лжи» личной неправды, а былъ жертвой внѣличной неустранимой неправды, коренной лживости совѣтскаго строя. Діалектика совѣтской дѣйствительности поставила пе-

редь нимъ нравственную антиномію нечеловѣческой трудности: отказаться дать интервью — значитъ, не только ухудшить положеніе, отягчить муки одной части мучениковъ — рядового духовенства, но, возможно, оставить народъ въ минуту смертельной опасности безъ пастырей; подписать интервью, какъ будто осудить другихъ мучениковъ. И что бы ни выбралъ, все едино — по **человѣческому суду не правъ**. Но есть еще вѣчное и не подвластное никакому человѣческому суду — «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ».

Не м. Сергій совершаетъ предательство по отношенію къ «церкви мучениковъ», а мы грѣшимъ противъ русской Церкви Великомученицы, оставляя его одинокимъ, не молясь постоянно, всецерковно о немъ, о помощи Божіей ему — въ страшные и судные часы русской церковной исторіи, не раздѣляя тяжести историческаго бремени выпавшаго на его долю и долю всего русскаго духовенства.

И. Лаговскій.

Парижъ 13-26. XI. День памяти св. Іоанна Златоуста.

Соборность и организація въ Движеніи

Соборность есть благодатное многоединство. Тамъ, гдѣ человѣческое общество объединяется въ Богѣ, тамъ есть соборность. Стремиться къ духовному единству значитъ жить соборно.

Движеніе соборно, потому, что оно — организмъ въ церковномъ организмѣ: оно есть какъ бы органъ Церкви. Движеніе — богоугодное объединеніе вѣрующихъ мірянъ; оно несетъ крестъ служенія Сыну Божію; оно причастно Его Тѣлу.

Сущность соборности въ благодати; благодатная жизнь сокровенна; ни разумъ ея, ни ея дыханіе намъ не вѣдомы;

лишь въ самомъ сердцѣ соборнаго тѣла мы ощущаемъ вѣяніе Духа.

Мы вѣримъ, что Движеніе не лишено благодати, что Богъ втайнѣ руководитъ имъ. Подчиняясь волѣ Божіей, разрозненные члены Движенія становятся единымъ организмомъ.

Каждое соборное цѣлое имѣетъ свою природу и свое лицо. Природа Движенія рождена отъ церковнаго народа зарубежной Церкви: она освящена Церковью, но крайне немощна. Характерныя черты лица Движенія, въ свою очередь схожаго съ лицомъ всего зарубежнаго